

БЕЛАЯ ночь настала, весь день не заходит солнце, весна в Заполярье. Весна — но... «Задул протяжный, жесткий, студёный норд, он высушил небо и землю, заледенил ее в твердый, как камень, ледяной панцирь. Блестали торосы, как пучки прозрачных гигантских кристаллов хрустала. Сверкали обледеневшие прибрежные скалы, словно глыбы полированной стали. ...А дальше мористей колыхался складчатый самосветящийся занавес северного сияния. Он то ширился, то извивался, скручиваясь в бесшумные световые смерчи, то опадая струями света».

В этом исполненном суровой, дикой красоты пейзаже, как бы сошедшем с полотен Роквелла Кента, живут люди. Мало того, сама красота, которой венчает землю небесный свет, дается ей в награду за то, что «на ней люди. Самые удивительные и всеильные, существа из всех творений вселенной».

А какие же это люди? «Сухопутный моряк» Егор Ефимович Ползунов, «низкорослый, но широкий в плечах»; Феликс Фенькин — фамилию эту странную передала ему в годы войны усыновившая мальчика мама Феня, сама почти ребенок, семнадцатилетний боец банно-прачечного отряда; повариха Елена Ивановна, смущенная тем, что неожиданно для себя стала причиной сшибки Ползунова и Фенькина, шоферы, трактористы...

Еще один пейзаж, из другой повести — «Пустыня». «...Воздух жег, как неслышно сыплющиеся раскаленные стеклянные опилки. И было видно, как из разогретых нор беспокойно ползут, корчась, змеи к черным, жестким, как пучки жженой проволоки, кустам саксаула». Пейзаж диаметрально противоположный, как бы вывернутый наизнанку. Ледяной холод севера сменился иссушающей жарой песков. Но и тут люди. И пусть зовутся они здесь по-иному — Сергей Иванович Фонарев, Кононыкин, Сорокин, Бернара Саидова, — мы узнаем их. Это те же люди. Узнаем их по изумительной красоте души, прячущейся за хмурой деловитостью, за хриплыми, надорванными криком голосами; узнаем по таланту самоотдачи, по отзывчивой доброте и воспитанному жизненными испытаниями ясному разуму.

Заполярье, пустыня, снова Север — тайга и море — там, где нет ни пыли, ни мух, иначе говоря. А вот уже Русь срединная, «полуюшко-поле» российское, пространство, на котором поднимается наш насущный хлеб. Велика цена крохотных золотых самородочков пшеницы, ради которых положил всю свою жизнь председатель колхоза Никитин, за которые, из-за которых отдал жизнь, Никитин, агроном Анастасия Андреевна, «землепоселонница»; пастух Егор Мишин, сельский инженер Боков — опять вроде бы те же люди, радующиеся дождю ввремя, страдающие при виде того, как «пшеничное поле трепетало под мощным ливнем, как огромное живое тело». Простая, извечная мысль о поле пшеницы, которое в то же время «поле жизни, для жизни созданное», с убедительной силой правды берет читателя в плен, захватывает, трогает до глубины души. Это выношенное, свое — а потому опять ново. Председатель колхоза Никитин и «землепоселонница» Анастасия Андреевна лелеют свое чувство друг к другу скрыто от всех, хотя ни для кого их любовь не секрет. Любовь давняя, выстраданная, ломанная-переломанная капризной судьбой, безнадежная... Что с того, что безнадежная? Не станет Никитина, вступившего в свой самый смертельный, последний бой за золотое зерно, рожденное полем жизни, но любовь была и останется. Как остается земля, «сильно и душисто» пахнущая травами.

Эта обобщенная идея поля как поля жизни приобретает в книге самостоятельное звучание, наливаясь, будто колос, живым, конкретным материалом и переходит в повесть о дру-

гих людях — об отце и сыне Аношиных, Степане и Сергее. «Поле жизни» — таково ее название. Опять поле. А речь идет о рабочих, о слесаре-лекальщике и токаре. Бесконечно поле деятельности человека. И где бы, к какому бы виду труда ни прикладывал он своих талантливых рук, своей души — словом поле труд его возмечивается, возводится в превосходную степень, становится метафорой самой жизни.

«Лилась река» — это о Сибири, об одной из ее рек, одной из тех, что «проложили человеческой отваге пути сквозь недоступные пространства и своей силой внушили человеку веру в свои силы одолевать неодолимое». Течет река, льется; «неустанно хорошея, могучая, просторная и неказуемо прекрасная, полная жизни и удивительная, как сама жизнь», как жизнь людей,

лохматую чабанскую папаху. «— В ней голова, как в термосе». Да, они нередко усмеются, кто в усы, кто открыто. Они ироничны, знают, что плечем. «— Вас как интересует — для себя или для газеты?» И все же эта искусственность, опыт всякого рода, и добрый, и недобрый, жесткий, если не жестокий — в инфантильности подобных людей не заподозришь, — преодолеваются детской доверчивостью, естественностью, горькой отрадой, ни на кого не переключаемая свою боль, самому ее мыкать весь свой век, тайно и кротко. А главная тревога за других, тех, кто по молодости еще ищет свой путь, состоит в том, чтобы внешняя — а может, не только внешняя? — черствость, этакий словесный нигилизм, низведение идей и идеалов до уровня прописных слов и истин, — чтобы все это

дям жаль разрушать остатки древней цивилизации. И пусть не ко времени эта встреча с минувшим — пустыня жедет, все расцветает здесь с появлением воды, — задумчиво стоит экскаваторщик Кононыкин над разъятыми песками, над руинами — следами давних сражений, сострадав неведомым, исчезнувшим народом, с гневом осуждая «погубителей красоты» всех времен. «— Фронтвик, по-фронтвому и рассуждаешь, — уважительно сказал Сорокин. Тот самый, для которого якобы не существуют авторитеты, который лихо разгуливает меж палатками с удавом на шее, для кого солнце — всего лишь термоядерный реактор. С уважением констатирует он особое, фронтвое отношение Кононыкина ко всему на земле и в наше время, и во все прочие времена, минувшие и будущие. С уважением, потому что просвечивает сквозь это фронтвое — человеческое, его собственное».

Разные точки нашей земли, горячие точки, независимо от того, действительно ли жарко светит там солнце или даже не брезжит сквозь затянувшуюся пургу. Но плавающие пески барханов, торосы севера и осенние поля России объединяются в книге и в сознании читателя в одно целое, обозначенное высоким словом Отечество. Столь разные, столь своеобразные люди, населяющие книгу, духовным родством своим соединяют, притягивают разные повести одну к другой, сближая их философию, создавая тем самым большое, многомерное полотно, единый роман народной жизни. Вадим Кожевников влюблен в своих героев. Он жил да был рядом с ними, разговаривал по душам, не для газеты, он не один раз преломил с ними рожденный общим усилием народа трудный и честный хлеб. Отсюда и спокойная достоверность повествования, та сокровенная, полная уважения к своим героям, восхищения ими интонация, издавна близкая русской советской прозе, платоновская, я бы сказал, интонация. Может быть, как раз этим, нетерпеливым, вполне понятным желанием рассказать о людях как можно точнее, ближе к факту, к записной книжке можно объяснить некоторые очерковые страницы, абзацы, нет-нет да и возникающие в художественной ткани книги?

«Так было» — озаглавлена заключительная повесть сборника. Пожалуй, это место определено ей неспроста. День нынешний, заботы и радости современников, счастье творчества, любовь и надежда — все это дано на полях сражений, тех самых, которые сейчас каждую осень покрывает позолота колосьев. Скрывший свою близорукость, чтобы пасть на фронт, радовой, а затем политрук Тютчев, командир орудия ефрейтор Трошкин, генерал Воловой, еще до того, до июня сорок первого года, считавший, что «учение хоть и в присутствии наркома, — это не торжественный парад», — это они и герои всех других повестей, уже знакомые нам, спасли наше время, наше дело. «Бой — это бой. Враг по тебе, ты — по нему. Ни один фронтвик не скажет: «Я убил», он скажет другие слова: «Я его упредил», «накрыл», «ударил прицельно», «свалил насосем». Такова рожденная в смертных испытаниях этика советского солдата. Так было! И эти же люди, кто жив остался, скромно, не крича о заслугах, только в праздник стеснительно выходящие на улицу с орденами на груди, воюют, и сейчас воюют, иначе не скажешь, в заполярной тундре, в песках пустынь, рядом с нами, повсюду.

Время неостановимо. Так было — скажет когда-нибудь читатель о книгах, которые сегодня называют актуальными, содержание которых выхвачено из самой что ни на есть бучи, о которых сегодня мы говорим: так есть!

Борис РАХМАНИН

ТАК БЫЛО — ТАК ЕСТЬ...

Вадим Кожевников. «Лилась река». Издательство «Советский писатель». М. 1980.

с которыми мы в этой повести и на этой реке познакомились, — Голубева, Нины... Жизнь. Поле жизни. Выходит, и река может быть полем. И море, и океан могут быть полем. И вот он, океан, вздымающий «силами хребтами» волны. Судно, которым командует капитан Шелест, называется «Капитан Полухин». В этом масштабе, в этих двух фамилиях — капитана живого и капитана, давшего имя кораблю, — вместились десятилетия, вместились война и мир, жизнь и смерть, бессмертие, даруемое ушедшим бойцам памятью живых.

Герои Вадима Кожевникова живут, трудятся, размышляют о жизни, преодолевая порывы северной пурги. Разведчики, первопроходцы. Землепоселонцы, начинающие работы с нулевого цикла. «Нулевой цикл — это, конечно, не первый день сотворения мира. Там все на самотеке было». Плавится песок под беспощадным белым солнцем среднеазиатской пустыни, но люди и здесь трудятся, мечтают, любят друг друга. Сеется из низкого лодга непроглядных туч затаенной ливень, грозя смуть своей серостью червонные краски урожая, но и здесь еживает человеческая душа, раскрываясь бесконечно прекрасным цветком самоотречения. Разлив стремительных рек, бурный океан — в экстремальных, приближенных к боевым условиям исполняют герои Вадима Кожевникова свой долг. Мало этого, автор всякий раз представляет их читателю в момент нелегкого испытания нравственных и физических сил. Полегшие хлеба, сложная аварийная ситуация или, например, обнаружение в самый разгар прокладки ирригационного канала остатков древней цивилизации. Дело нештучное, с одной стороны — цивилизацию окончательно разрушать нельзя, указание сверху было на этот счет, да и у самих рука на такое не поднимается, а с другой стороны — как же быть с планом? По краю судьбы проводит писатель своих героев, и во всей открытости предстают они перед нами, внешне непритязательные, обыкновенные люди, трудяги. Но в том-то и дело, что свой каждодневный, равный подвигу труд в тех местах планеты, которые, по словам поэта, для веселия мало оборудованы, все они воспринимает как нечто будничное, рядовое. И даже шутят. «— Панамку позабыли! — вспомнил Кононыкин. — А вы, извиняюсь, плешивый, можно до волдырей прижечься». Фонарев внял совету, натянул

не вышло их изнутри, не задело душу. Бульдозерист Сорокин говорит про солнце, что оно «всего только мощный термоядерный реактор». Фонарева это настораживает. И суть сказанного настораживает, и что вещает Василий, главным образом то, чего «из транзистора нахватались». Но он понимает, что зорче его черноглазая Бернара. Он верит в зоркость нарождающейся любви. Бернара не «охомутает» Сорокина, нет. Она делает этот край для него родным, своим. Сорокин не уедет. Что имеет значение, помимо всего прочего, и для кадровой политики Фонарева. Хорошего бульдозериста вернуть нельзя.

Есть одно общее качество, черта натуры, одинаковая деталь биографии и у Фонарева, и у Кононыкина, и у Никитина из повести «Полуюшко-поле», у Ползунова из «Белой ночи», у капитана Шелеста и у Аношиных, отца и сына. Это качество, эта особенность проглядывает сквозь всю их нынешнюю жизнь, сквозь каждый поступок, любое деяние и слово. Это становой хребет характеров их, их жизненной позиции — они фронтвики. Там, на войне, словно в дуггой, самой первой, давней, минувшей, но не забытой жизни были они возведены в ранг мужчин, причислены к званию человека. Призванные военкоматом в семнадцатилетнем возрасте мальчишеских лет, там, в дымном пламени сражений, в которое они нырнули на долгих четыре года, там постигли они первые и самые основные заповеди поведения, отношений с другими людьми, постигли истинную ценность понятий чести, правды, совести, благородства. Парадоксально, но именно на войне герои Вадима Кожевникова — вообще все фронтвики — научились работать. Война — тяжкий, по двадцать четыре часа в сутки труд. В начале зимы сорок первого Егор Ефимович Ползунов решил вопрос транспортировки боеприпасов с левого берега открытой тонким ледком реки. Под артиллерийским обстрелом, под бомбами работал придуманный им агрегат: гусеничный тягач, тросы, лебедка, плечи и руки солдатские... Поэтому и сейчас, в Заполярье, не останется на береговом припаве необходимое строение оборудование. И тут придумал нечто подобное Ползунов. Военная смекалка? Да, и она. А главное — та самая солдатская выдержка, та самая боевая готовность к бесконечному напряжению сил. Подвигничество духа. Да, таким ле-